

В этой же зале стояли... огромные часы из черного дерева. Маятник качался взад и вперед с глухим, унылым, однообразным звуком, а... часы начинали бить, из медных легких машины вылетал чистый, громкий звук, необыкновенно певучий, но такой странный и сильный, что музыканты в оркестре останавливались, танцоры прекращали танец; смущение овладевало веселой компанией, и, пока раздавался бой, самые беспечные бледнели, а старейшие и благоразумнейшие проводили рукой по лбу, точно отгоняя смутную мысль или грезу. Но бой замолкал, и веселье снова охватывало всех. Музыканты переглядывались с улыбкой, как бы сами смеясь над своей глупой тревогою, и шепотом обещали друг другу, что следующий бой не произведет на них такого впечатления. И снова, по прошествии шестидесяти минут... раздавался бой часов, и снова смущение, дрожь и задумчивость овладевали собранием.

При всем том праздник казался веселым и великолепным...

*Э. А. По. Маска красной смерти**

Сон разума рождает чудовищ.

Гойя

Солнце насильно сиять не заставишь.

Народная мудрость

* Перевод М. А. Энгельгардта.

Предисловие автора

Как мне представляется, в творчестве любого писателя — обычно на достаточно раннем этапе — возникает «роман-перепутье», когда автору предоставляется выбор: либо продолжать делать то, что он уже с успехом делал прежде, либо попытаться поставить перед собой чуть более высокую цель. Но только оглянувшись назад через многие годы, начинаешь понимать, насколько важно было для тебя принять тогда верное решение. Ведь порой подобный момент случается в твоей карьере всего лишь однажды. Для меня такой книгой стал роман «Сияние», в котором я решил поднять свою планку на новую высоту. Я даже помню конкретное место в тексте, поставившее меня перед нелегкой альтернативой: это случилось, когда я описывал, как Джек Торранс, исполненный противоречий главный отрицательный персонаж «Сияния», вспоминает о своем отце — грубом пьянице, который вершил над сыном духовное, физическое и эмоциональное насилие... Иными словами, уродовал его личность всеми возможными способами.

С одной стороны, я мог описать жестокость отца Джека и этим ограничиться. Само собой, думал я, читатель легко увидит связь между отношениями Джека со своим отцом в прошлом и собственным отношением к своему сыну Дэнни, мальчику-экстрасенсу, который, разумеется, является центральной фигурой романа.

6 Но в то же время что-то подталкивало меня пойти глубже — признать, что Джек все-таки любил отца, вопреки (а может быть, как раз *благодаря*) его непредсказуемой и жестокой натуре. И я прислушался к своему внутреннему голосу, что принципиально изменило в романе очень многое. Вместо героя, постепенно превращавшегося из сравнительно приличного человека в несколько плоскую фигуру злодея, которого сверхъестественные силы толкают на убийство жены и сына, Джек Торранс приобрел более реальные (а значит, и существенно более страшные) черты. Как мне показалось, убийца с чисто мистическими мотивами для преступлений перестает быть пугающим, стоит только читателю преодолеть поверхностный страх, в который его может повергнуть любая мало-мальски стоящая история о привидениях. А вот убийца, движимый пережитым в детстве насилием над собой *наряду* с призрачными силами... О, вот это может по-настоящему задеть за живое. Более того, такой поворот сюжета позволял мне окончательно размыть грань между областями сверхъестественного и экстрасенсорного, заставить читателя сопереживать и желать: «Я надеюсь, это только сон», — то есть превратить просто страшное в поистине ужасающее. Во время моей единственной встречи с ныне покойным Стенли Кубриком, примерно за шесть месяцев до того, как он начал работать над своей киноверсией «Сияния», я понял, что именно эта грань рассказанной мной истории главным образом привлекла его внимание. Что именно заставляет Джека Торранса совершать преступления в номерах и коридорах отеля «Оверлук», отрезанных от всего мира снежными заносами? Призраки не умерших окончательно людей — или же не умирающие в нем до конца воспоминания? Мистер Кубрик и я пришли к разным выводам по этому поводу (я *всегда* считал, что это злые привидения

«Оверлука» подводят Джека к краю пропасти), хотя вполне возможно, что наши выводы в чем-то были близки. Разве воспоминания — не единственно реальные призраки в наших жизнях? Разве не заставляют они нас порой произносить слова и совершать поступки, о которых потом приходится сожалеть? 7

Принятое мной решение постараться изобразить отца Джека человеком из плоти и крови, которого неприкаянный сын не только ненавидел, но и любил, впоследствии помогло мне пройти долгий путь к моим нынешним взглядам на жанр, так легко и пренебрежительно именуемый «ужастиком». Я убежден в необходимости подобных историй, потому что мы подчас нуждаемся в создании вымышленных чудовищ и монстров в качестве суррогатов-заменителей всего, чего мы так боимся в наших реальных жизнях: отца, который не целует свое дитя, а бьет; автокатастрофы, способной унести жизнь близкого человека; рака, незаметно поселяющегося в наших телах. И если бы все эти ужасные вещи были следствием воздействия неких сил тьмы, то, как мне кажется, нам было бы даже легче смириться с ними. Но они не остаются во мраке, а обладают собственным своеобразным жутким блеском, и ничто не блещет ярче, чем акты насилия и жестокости, которые мы порой совершаем в собственных семьях. Всмотреться в этот варварский блеск — подчас значит ослепнуть, и потому мы создаем для себя защитные фильтры. Фильмы и романы ужасов, как и страшные сказки, — это именно такие фильтры. Мужчины и женщины, которые настаивают, что привидений не существует, всего-навсего не умеют прислушиваться к смутным шепотам в своей душе, и как же они жестоки! Ведь даже самый злонамеренный призрак — существо очень одинокое, брошенное во тьме, отчаянно желающее быть услышанным.

Но разумеется, ничего подобного не приходило мне в голову в осознанной или хотя бы полуосознанной форме, когда я писал «Сияние», сидя в своем маленьком кабинете с видом на Флатироны; мне нужно было создать роман и выполнять ежедневную норму в 3000 слов (сейчас, на шестом десятке, я радуюсь, если удастся выдать 1800). Тогда я увидел лишь появившийся у меня выбор: сделать из отца маленького Дэнни в чистом виде плохого парня (что мне удалось бы с закрытыми глазами) или же попытаться создать характер более сложный и неоднозначный — такие еще называют более реалистичными.

И, признаться, не будь я к тому времени до некоторой степени финансово обеспечен, одно только это могло склонить меня к более легкому варианту. Однако мои первые две книги — «Кэрри» и «Жребий Салема» — имели успех, и мы, семейство Кингов, чувствовали себя в этом смысле уверенно. Вот почему мне не захотелось пойти по пути наименьшего сопротивления, когда я чувствовал, что могу поднять роман на значительно более высокий уровень эмоционального накала, сделав из Джека Торранса живого человека, а не двухмерного «злодея из “Оверлука”».

Результат получился далеким от идеала, и местами в тексте «Сияния» сквозит нахальная авторская самонадеянность, которую я начал замечать лишь многие годы спустя. Но все же я очень люблю эту книгу и ценю ее за то, что именно она поставила меня перед столь важным выбором: остаться на уровне не слишком правдоподобных ужасов «комнаты страха», что есть в любом развлекательном парке, или ступить на гораздо более скользкую тропу, где между строк фантазии порой проглядывает опасная истина. По крайней мере так происходит в наиболее удачных произведениях жанра. И истина эта заключается в том, что монстры и призраки действительно суще-

ствуют. Они обитают внутри нас, и порой 9
именно они одерживают верх.

А тот факт, что иной раз — точнее, очень часто! — вопреки всем препятствиям в нас побеждают не они, а наши добрые ангелы, можно считать еще одной жизненной истиной в романе «Сияние». И слава Богу, что так происходит на самом деле.

Стивен Кинг
Нью-Йорк, 8 февраля 2001 г.

Часть первая

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Глава 1

СОБЕСЕДОВАНИЕ

Вот ведь надутый недомерок! — подумал Джек Торранс.

В Уллмане было пять футов пять дюймов роста, и двигался он с порывистой стремительностью, которая почти всегда свойственна низкорослым и пухлым мужчинам. Волосы на его голове разделял безукоризненный пробор, а темный костюм выглядел строгим, но удобным. *Я помогу вам решить любые проблемы,* заверял костюм состоятельных постояльцев. С подчиненными из обслуживающего персонала он говорил иначе: *Эй, ты! Работай на совесть, а не то...* Красная гвоздика в петлице, вероятно, торчала там для того, чтобы никто не спутал Стюарта Уллмана с владельцем местного похоронного бюро.

Слушая Уллмана, Джек вынужден был признать себе, что в данных обстоятельствах ему бы не понравился ни один человек, кого ни посади по другую сторону стола.

Между тем Уллман задал ему вопрос, смысл которого он не успел уловить. Это плохо. Уллман явно был из тех, кто отмечает подобные промахи и заносит в свою мысленную картотеку, чтобы позже припомнить.

— Простите, о чем вы спросили?

— Я спросил, вполне ли ваша жена осознана, что вас здесь ожидает? И еще ваш сын. — Он бросил взгляд на лежавшую перед ним анкету. — Дэниел. Вашу супругу несколько не смущает подобная перспектива?

— Уэнди — необыкновенная женщина.

— И сын у вас тоже необыкновенный?

Джек расплылся в своей самой широкой улыбке, которую всегда пускал в ход, если хотел обаять собеседника.

— Да, нам бы хотелось так думать. Для пятилетнего мальчика он вполне самостоятелен.

Ответной улыбки от Уллмана он не дождался. Тот лишь сунул заявление и анкету Джека обратно в папку. А папка перекочевала внутрь стола, поверхность которого теперь почти опустела, если не считать тетради для записей, телефона, лампы на шарнирной стойке и двух лотков, помеченных словами «Входящие» и «Исходящие». Причем оба тоже были пусты.

Уллман встал и подошел к стоявшему в углу шкафу для документов.

— Не могли бы вы обойти стол с моей стороны, мистер Торранс? Мы вместе посмотрим планировку этажей.

Он вернулся с пятью большими листами и расстелил их на полированной ореховой столешнице. Джек встал с ним плечом к плечу и уловил резкий запах одеколона, исходивший от Уллмана.

Все мужчины моего склада пользуются либо «Инглиш лэзер», либо вообще ничем, почему-то подумал он, и ему пришлось чуть прикусить язык, чтобы сдержать невольный смешок. Сквозь стену доносился слабый шум кухни отеля «Оверлук», где шли приготовления к обеду.

— Верхний этаж, — пустился в энергичные объяснения Уллман. — Это чердак. Там нет абсолютно

12 ничего, кроме старого хлама. Со времен Второй мировой войны «Оверлук» сменил нескольких владельцев, и такое впечатление, что каждый из управляющих сваливал туда всю ненужную ему рухлядь. Я хочу, чтобы там расставили крысоловки и разбросали отраву. Некоторые горничные с четвертого этажа жаловались на шуршание сверху. Я ни на секунду не допускаю такой мысли, но следует исключить малейшую вероятность, что в отеле «Оверлук» могла завестись хотя бы одна крыса.

Джеку, который подозревал, что в любой гостинице мира непременно обитает хотя бы пара-другая крыс, пришлось снова придержать язык.

— И разумеется, вы ни при каких обстоятельствах не должны позволять своему сыну забираться на чердак.

— Само собой. — Джек сверкнул парадной улыбкой. Унизительная ситуация. Неужели этот напыщенный маленький хмырь считает, что он мог бы разрешить своему сыну дурачиться на чердаке среди ловушек для крыс, обломков старой мебели и бог знает чего еще?

Уллман убрал план чердачного этажа и сунул его в самый низ кипы листов.

— «Оверлук» располагает ста десятью помещениями для постояльцев, — продолжил он тоном лектора. — Тридцать из них, и все это — апартаменты, находятся здесь, на четвертом этаже. Десять в западном крыле (включая президентский люкс), десять по центру здания и еще десять в левом крыле. Отовсюду открываются великолепные виды.

Неужели нельзя обойтись без рекламы?

Но Джек промолчал. Ему очень нужна была эта работа.

Уллман переложил план четвертого этажа вниз, и они изучили схему третьего.

— Сорок номеров, — сказал Уллман. — 13

Тридцать двухместных и десять одноместных.

На втором этаже у нас по двадцать номеров каждой из этих категорий. В придачу к этому на всех этажах имеются по три стальных шкафа для постельного белья, а две большие кладовки расположены в самом дальнем конце восточного крыла второго этажа и в западной оконечности первого. Вопросы есть?

Джек помотал головой. Уллман мгновенно убрал планы третьего и второго этажей.

— Так. Теперь первый этаж. Начнем с вестибюля. Вот здесь, в центре, — стойка регистрации. Позади нее расположены служебные кабинеты. Холл простирается от стойки на восемьдесят футов в каждом направлении. Здесь, в западном крыле, находятся ресторан «Оверлук» и «Колорадо-холл». Банкетный и бальный зал — в противоположном, восточном крыле. Вопросы есть?

— Только относительно подвала, — сказал Джек. — Ведь для зимнего зрителя это самый важный этаж. Его основное рабочее место, если можно так выразиться.

— Там вам все покажет Уотсон. План подвала висит на стене в котельной. — Уллман снова приосанился, сдвинул брови, вероятно, желая всем своим видом показать, что как управляющий не нисходит до таких прозаических деталей жизни отеля, как отопление, водопровод или канализация. — Кстати, неплохо было бы поставить несколько ловушек для крыс и внизу. Одну минуточку...

Он нацарапал несколько слов в блокнотике, который достал из внутреннего кармана пиджака (поверх каждой странички жирным шрифтом значилось: *От Стюарта Уллмана, главного управляющего*), вырвал записку и положил в лоток «Исходящие». Она легла на дно в тоскливом одиночестве. А блокнот снова исчез

14 в кармане, словно знаменуя финал фокуса. Видишь, малыш Джеки, вот он был, а вот его нет. Ну и тип!

Затем они вернулись на исходные позиции. Уллман уселся за свой стол, а Джек пристроился напротив. Тот, кто задает вопросы, и тот, кто на них отвечает. Кандидат в работники и несговорчивый начальник. Уллман сложил свои опрятные ручки поверх тетради и посмотрел на Джека в упор — миниатюрный лысеющий мужчина в костюме банкира, с неброским серым галстуком. Цветок в петлице уравновешивала приколотая к лацкану прямоугольная табличка. «СОТРУДНИК ОТЕЛЯ», — сообщали четкие золотые буквы.

— Буду с вами предельно откровенен, мистер Торранс. Альберт Шокли — влиятельный человек и один из совладельцев отеля «Оверлук», принесшего в этом сезоне прибыль впервые за всю свою историю. Мистер Шокли также заседает в нашем совете директоров, но ничего не смыслит в гостиничном бизнесе и сам готов первым признать это. Однако в том, что касается найма зимнего смотрителя, он высказал свое пожелание совершенно недвусмысленно. Он хочет, чтобы эту работу получили вы. И я выполню его пожелание. Но если бы в данном вопросе мне предоставили свободу выбора, я бы вас не взял.

Джек держал руки крепко сцепленными на коленях, потирая взмокшие от пота ладони. *Напыщенный маленький хмырь, напыщенный маленький хмырь, напыщенный...*

— Как мне показалось, мистер Торранс, я вам не слишком симпатичен. Но мне это безразлично. И уж конечно, те чувства, которые я у вас вызываю, насколько не влияют на мою уверенность, что вы не годитесь для этой работы. В разгар сезона, который продолжается с пятнадцатого мая по тридцатое сентября, в «Оверлуке» трудятся сто десять человек, то

есть, можно сказать, по одному работнику на каждый номер отеля. И я не думаю, что нравлюсь многим из них, а кое-кто, как я подозреваю, считает меня в некотором роде сволочью. Это вполне справедливо. Мне действительно приходится быть до известной степени мерзавцем, чтобы управлять этим отелем так, как он того заслуживает.

Он посмотрел на Джека, ожидая ответной реплики, но Джек лишь вновь просиял своей фирменной улыбкой. Широкой и почти оскорбительно белозубой.

Уллман продолжал:

— «Оверлук» был построен в тысяча девятьсот седьмом — тысяча девятьсот девятом годах. Ближайший город, Сайдуайндер, расположен в сорока милях к востоку, и дороги к нему закрыты примерно с конца октября до начала апреля. Возвел отель человек по имени Роберт Таунли Уотсон — дед нашего нынешнего главного механика. Здесь останавливались Вандербильты, Рокфеллеры, Асторы и Дюпоны. Президентский люкс в свое время занимали четыре президента США. Вильсон, Гардинг, Рузвельт и Никсон.

— Ну, Гардингом и Никсоном я бы хвалиться не стал, — пробормотал Джек.

Уллман нахмурился, но продолжил:

— Для мистера Уотсона «Оверлук» оказался непосильным бременем, и в тысяча девятьсот пятнадцатом году он его продал. Отель снова сменил владельцев в тысяча девятьсот двадцать втором, двадцать девятом и тридцать шестом годах. Затем до окончания Второй мировой войны он стоял без дела, пока его не купил Хорас Дервент — миллионер, изобретатель, летчик, кинопродюсер и предприниматель. Он также провел полную реконструкцию.

— Имя мне знакомо, — заметил Джек.

— Еще бы! Все, к чему прикасался этот человек, казалось, тут же превращалось в золото... Но только

16 не «Оверлук». Дервент превратил устаревшую развалюху в образцовое заведение, вложив в отель миллион долларов еще до того, как порог переступил первый послевоенный постоялец. Именно Дервент распорядился устроить корт для роке, который, как я заметил, произвел на вас некоторое впечатление.

— Роке?

— Британская игра, предшественница крокета, мистер Торранс. Крокет — это всего лишь уродливая версия роке. Как гласит легенда, Дервента научил играть его секретарь по вопросам светского протокола, и Дервент очень полюбил роке. Вполне вероятно, что наш корт стал самым первым в Америке.

— Не сомневаюсь, — с угрюмым видом сказал Джек. Роке-корт, фигурно подстриженные живые изгороди в виде животных вдоль фасада. Что ему еще покажут? Как постояльцы играют в дядюшку Уиггли* за сараем для инвентаря? Мистер Стюарт Уллман уже успел до крайности надоесть ему, но он видел, что тот еще не закончил. Уллману представился шанс поговорить, и он собирался высказать все до последнего слова.

— Когда убытки превысили три миллиона, Дервент продал «Оверлук» группе инвесторов из Калифорнии. Но и они потерпели здесь полный провал. Те люди тоже ничего не понимали в гостиничном деле. В тысяча девятьсот семидесятом году мистер Шокли совместно со своими деловыми партнерами приобрел отель и назначил меня управляющим. Признаюсь, на протяжении ряда лет наш баланс тоже оставался отрицательным, но, как я с большим удовлетворением могу подчеркнуть, это ничуть не поколебало полного доверия ко мне со стороны нынешних

* Герой американских рассказов для детей, написанных Говардом Р. Гэрисом (1873–1962). — *Здесь и далее примеч. пер.*

владельцев. И вот по итогам прошлого финансового года мы вышли на безубыточный уровень. А в нынешнем году бухгалтерия «Оверлука» зафиксировала прибыль, что произошло впервые почти за семь десятилетий.

Джек подумал, что этот болтливый коротышка имеет полное право гордиться собой, но потом на него вновь накатила первоначальная антипатия.

И он сказал:

— Простите, мистер Уллман, но я не вижу связи между, бесспорно, весьма колоритной историей отеля и вашим мнением, что я не гожусь для этой работы.

— Одна из причин убыточности «Оверлука» состоит в значительной амортизации основных фондов, которая происходит каждую зиму. Вы не поверите, мистер Торранс, насколько сильно это снижает шансы сделать окончательный баланс положительным. Зимы здесь фантастически суровые. Чтобы справиться с проблемой, я ввел в штатное расписание полноценную должность зимнего смотрителя, который управлял бы котельной и ежедневно прогревал различные помещения отеля на основе планомерной ротации. Он должен немедленно устранять повреждения, как только они возникнут, и проводить профилактические ремонтные работы, чтобы не позволить стихии нанести нам урон. Быть постоянно готовым к любым случайностям и непредвиденным обстоятельствам. И вот в первую же зиму я нанял целую семью, вместо того чтобы поручить это дело одинокому мужчине. И произошла трагедия. Ужасающая трагедия.

При этом Уллман вновь посмотрел на Джека холодным, оценивающим взглядом.

— Я совершил ошибку. И честно признаю это. Отец семейства оказался горьким пьяницей.

Джек почувствовал, как его губы медленно начинают кривиться в злой усмешке, являвшей собой